

ПЕЧАЛЬНАЯ ЛУНА ПРОФЕССОРА АСМУСА

Валентин Фердинандович Асмус/Сост. В. А. Жучков и И. И. Блауберг.

М.: РОССПЭН, 2010. — 479 с.

На даче тихой, словно скит отшельника
Мы на луну глядели в телескоп...

Екатерина Шевелева. Луна профессора Асмуса

Издательство «РОССПЭН» порадовало любителей русской философии очередным увесистым «кирпичом».

На этот раз — почти пятисотстраничным «Валентином Фердинандовичем Асмусом».

По сути, это переиздание книги, которая в первой своей реинкарнации называлась «Вспоминая В. Ф. Асмуса...» (М.: Прогресс-Традиция, 2001). Это более скромное название гораздо точнее отвечало содержанию того сборника, наполовину состоявшего из воспоминаний о философе, а на оставшуюся часть — из впервые опубликованных мемуаров самого Асмуса и нескольких писем философу. В предисловии составители сетовали, что «в силу разных обстоятельств» они не смогли представить в сборнике «богатый архив» философа, и выражали надежду, что «со временем он будет тщательно исследован и откомментирован и в той или иной форме станет достоянием широкого круга читателей» (с. 8).

Увы, время это, видимо, так и не наступило. Вероятно, «разные обстоятельства» снова помешали опубликовать архивные документы — хотя, заметим, что это мог бы быть не обязательно личный архив Асмуса; немало интересного могли бы открыть и архивы институтов и университетов, в которых работал философ. В (пере) изданном почти тем же коллективом сборнике нет ни новых материалов из архива Асмуса,

ни развернутой биографии философа — или хотя бы не опубликованных ранее материалов к этой биографии. Книга, вместе с тем, раздута по сравнению с предыдущей почти в полтора раза. Добавлены несколько статей Асмуса — но не из «богатого архива», а уже печатавшихся в других (и отнюдь не недоступных) изданиях, и пять мемуаров, двое из которых, С. Апта и В. Димова, уже публиковались ранее, а остальные три ничего принципиально нового об Асмусе не сообщают. Правда, составители для чего-то уснастили все воспоминания заглавиями, выдержанными в традициях советско-газетного стиля: «Мужество человека и исследователя», «Подлинный ученый и педагог», «Наставник и творец» (в сборнике 2001 года подобных красот не было) ... Единственно, пожалуй, что как-то содержательно отличает новый сборник от предыдущего — это более полный (хотя и не исчерпывающий) список опубликованных работ ученого и три впервые опубликованных письма Асмусу Пастернака. Скажем так, не густо.

Но если за девять лет было по каким-то причинам сложно подготовить к печати новые документы, то можно было бы, наверное, хотя бы снабдить пояснениями ре-публикуемые материалы. Особенно в них нуждаются воспоминания: большая часть упоминаемых в них имен и событий современному читателю го-

ворит мало что, а то и почти ничего. Не помешала бы и более внятная редактура. Так, Б. В. Бирюков, чьи мемуары подаются чуть ли не как очерк жизни и творчества Асмуса (и из которых мы узнаём больше о славном творческом пути самого мемуариста), пишет, что Асмус «в 1962 г. приобрел дачу под Москвой — в Переделкине, где подолгу жил с семьей и где обретались его друзья, в том числе и Б. Л. Пастернак» (с. 51) — напомним, что в 1962 году Пастернак «обретался» уже два года как в иных мирах... Или — в «Хронике основных событий жизни и творчества» утверждается, что студенческое сочинение Асмуса о Толстом было «впервые опубликовано (вместе с положительным отзывом В. В. Зеньковского) в журнале „Вопросы философии“. 1996. № 3» (с. 443). Однако в указанном номере журнала опубликован *только* отзыв, а не сочинение Асмуса.

Но это все, скорее, детали. Гораздо интересней то, как «реконструируется» в книге фигура В. Ф. Асмуса, как оценивается его масштаб как философа.

Понятно, что *de mortuis aut bene, aut nihil*. Никто не спорит, что Асмус был незаурядным исследователем и преподавателем, сочетавшим академическую добросовестность с широтой исследовательских интересов (кроме статей по философским дисциплинам, он оставил ряд литературоведческих, театроведческих и музыковедческих работ). Но вот чтобы так: «крупнейший русский философ XX века» (с. 160), «крупнейший отечественный мыслитель прошлого века, творивший в своем отечестве» (с. 21), и даже — «ученый с мировым именем» (с. 180) ... Интересно, смогли бы авторы мемуаров назвать хотя бы одну-две оригинальные философские идеи у «крупнейшего

русского философа XX века», или хотя бы одну-две по-новому сформулированные проблемы? Что из написанного Асмусом — за исключением некоторых работ 1920-х годов — можно сегодня читать как собственно философский текст, не продираясь сквозь плотный частокोल «марксовидной» риторики (особенно в работах тридцатых годов) или не утопая в многостраничных пересказах философских идей и систем (да еще написанных на редкость выхолощенным, «отфильтрованным» языком)? Что — кроме принятия в члены Международного института философии — должно свидетельствовать, что Асмус был «ученым с мировым именем»? Переводы некоторых его работ на языки «стран содружества»? Но это не было напрямую связано с международным признанием — энное количество работ советских философов и обществоведов должно было переводиться и издаваться в соцстранах...

Напрашивается такое объяснение. Большинство из авторов воспоминаний пришло в философию в конце 1940–1950-х годов; естественно, что Асмус, с его эрудицией, знанием классических и европейских языков, с просто элементарной порядочностью и доброжелательностью значительно выделялся на фоне тогдашней философской профессуры. Воплощал в себе и заблокированную «железным занавесом» связь с современной европейской мыслью, и оборванную революцией традицию русской философии. Об этом, почти дословно повторяя друг друга, пишут и Н. В. Мотрошилова («В. Ф. Асмус стал для нас воплощением <...> все-таки не прерванной связи с историей отечественных университетов»), и Ф. Т. Михайлов («Типичный университетский профессор... Будто ненадолго приехавший к нам из Бер-

лина, например, или из Кёнигсберга...»), и П. П. Гайдено («Валентин Фердинандович был для многих из нас, у него учившихся, носителем той самой — прерванной на долгие десятилетия — культурной традиции, о которой, не будь таких людей, как он, мы знали бы разве что из книг»). То есть, не Асмус был «крупнейшим и выдающимся», а философская мысль в стенах университетов была тогда слишком «невыдающейся», если вообще можно серьезно говорить о ее существовании. И лучшим представителям поколений, приходивших в философию в последние сталинские и первые «оттепельные» годы, приходилось начинать почти с нуля. В этой ситуации особую, символическую важность приобретала фигура хранителя прежних, утерянных традиций. И почти единственным, кто соответствовал этому образу среди тогдашних профессоров философии, оказался Валентин Фердинандович Асмус.

Соответствие это было во многом натянутым. «Университетский профессор из Берлина или Кёнигсберга», в действительности, не обучался ни в одном европейском университете — студенческие годы Асмуса совпали с войной и революцией, а в 1920-е годы это было уже почти невозможно. Асмус казался «последним московским философом» (так назвал его Пятигорский) — но, как известно, в Москву он перебрался из Киева уже на четвертом десятке, в 1927 году, а к тому времени все настоящие «московские философы» либо были выдворены из страны, либо, как Шпет или Флоренский, — из философии. Да и перебравшись в Москву, Асмус оказывается отнюдь не в среде старой гуманитарной профессуры. Последняя была связана с ГАХНОм; Асмус же примыкает к противоположному

лагерю — он читает лекции в Коммунистической академии (предшественнице Высшей партшколы), публикуется в изданиях, выражающих «руководящую линию»: в «Известиях», в журналах «Под знаменем марксизма», «Вестнике Коммунистической Академии», «На литературном посту» ... Клеймит, в первое свое московское десятилетие, «реакционную буржуазную философию», не обходя вниманием и отечественных «реакционеров» и «контрреволюционеров». Например, в статье «Эпос», опубликованной в 1934 году в «Большой советской энциклопедии», Асмус пишет о «реакционной классовой установке» Шкловского и Эйхенбаума. В 1937-м обрушивается на символистов; особенно достается Белому, чьи воспоминания незадолго до того были опубликованы: «Мемуары Андрея Белого — сознательно или бессознательно — скрадывают, скрывают, затушевывают <...> контрреволюционную, по сути, борьбу русского символизма». И если подобные инвективы в 1937-м году еще как-то можно объяснить и по-человечески понять, то что подвигло профессора Асмуса перепечатать это в сборнике своих статей по эстетике в 1968 году, остается непонятным...

Впрочем, не так, чтобы совсем непонятным. Асмус был вполне советским философом, сделавшим успешную карьеру именно в первое советское десятилетие и именно в наиболее тесно связанных с властью институтах. Да, была «анти-советская» статья 1918 года, «О великом пленении русской культуры» — но уже через несколько лет, еще в относительно плюралистичные 1920-е, в работах Асмуса нельзя найти даже глухого намека на строй мысли «Великого пленения». Да, были «проработки», которым Асмус часто подвергался — но, как извест-

но, проработкам тогда подвергалась почти вся гуманитарная профессура; вчерашних «проработчиков» самих прорабатывали на следующий день, и так далее. Ни от преподавания философских дисциплин, ни от публикации в научных изданиях Асмус отлучен никогда не был; не был репрессирован, не был — несмотря на немецкую фамилию — перемещен. Да, оставался, увы, «невыездным» — но много ли советских философов (речь не идет о партийных функционерах от философии) были «выездными» в 1950–1960-е годы?

Конечно, не стал Асмус и советским «придворным философом» — хотя вплоть до начала тридцатых, казалось, шел к этому. Для этой роли он оказался слишком образован, культурен и порядочен. С середины 1930-х — после того разноса, которому подвергся его подготовленный к юбилею Маркса труд «Маркс и буржуазный историзм» — Асмус оставляет притязания на место официально-признанного философского толкователя классиков марксизма и сосредотачивается на истории философии, эстетике, литературоведении, а с 1940-х — и на логике. Именно этого Асмуса — несколько «не в чести», несколько старомодно-отшельника, созерцателя звездного неба (как он изображен в стихотворении Шевелевой «Луна профессора Асмуса»), и запомнили те, кто слушал его в последние два десятилетия его жизни. Именно этот образ стал частью их «поколенческого мифа»; любые детали и эпизоды, не «монтирующиеся» с этим образом, зачастую «забываются», либо перетолковываются в апологетическом ключе.

Например, Ф. Т. Михайлов вспоминает, что за день до похорон Сталина Асмус вошел в аудиторию «в черном сюртуке с медалью лау-

реата Сталинской премии на лацкане». Казалось бы, жест вполне понятный — Асмус пользовался определенным покровительством Сталина, благодаря которому философа хотя и прорабатывали, но не трогали... Но Михайлов тут же добавляет: «Почему-то и тогда я был убежден, что эта медаль была надета им впервые: перед смертью склоняются головы...» (с. 102) Увы, не впервые — именно с этим лауреатским значком мы видим Асмуса на фотографии 1946 года, помещенной на вкладке...

Или кочующий из воспоминания в воспоминание образ Асмуса как близкого друга Пастернака, который «поддерживал Пастернака в тяжелые последние годы» (с. 173). Образ красивый, но тоже не совсем точный. Именно в «тяжелые последние годы» между друзьями произошла размолвка и, как об этом можно узнать из опубликованного в сборнике письма Пастернака Асмусу от 29 сентября 1959 г., вызвана она была прохладной оценкой Асмусом «Доктора Живаго» (с. 334). Разумеется, авторы воспоминаний могли об этой размолвке не знать (как и о более раннем охлаждении между друзьями, в начале тридцатых, вызванном женитьбой Пастернака на Зинаиде Нейгауз). В памяти многих осталось известное выступление Асмуса на похоронах Пастернака, которое действительно было актом гражданского мужества.

И все же воспоминания — документ специфический, слишком зависящий от того, кто, кого, когда и с какой целью вспоминает. Например, Т. И. Ойзерман в своем мемуаре об Асмусе выглядит чуть ли не его добрым гением (хлопотал, чтобы Асмусу дали преподавать на кафедре истории зарубежной философии, «старался всячески укрепить авторитет этого выдающегося учено-

го» (с. 59) и т.д.). Возможно, так оно и было. И все же в одном из свидетельств — в книгу, понятно, не вошедшем — упоминается о том, как на проработке Асмуса на Ученом совете Философского факультета МГУ после похорон Пастернака, именно Ойзерман, «обильно цитируя стихи Пастернака, доказывал их антисоветскую настроенность»⁴. Это свидетельство, конечно, тоже должно быть проверено (возможно, сохранился в архивах протокол этого заседания Ученого совета, или еще какие-то личные воспоминания)... В любом случае, житийная мемуарная позолота должна быть заменена — или хотя бы дополнена — по возможности как можно более объективным историко-биографическим исследованием.

Пусть Валентин Асмус не был ни «крупнейшим», ни «ученым с мировым именем» — но он, безуслов-

но, был достаточно заметной фигурой в истории советской философии и культурной и научной жизни 1920–1960-х годов. Он учился у крупных ученых; в его круг общения входили многие выдающиеся люди тех лет; он был учителем многих известных ныне философов и литераторов (его студентами в Литинституте были Евтушенко, Соснора, Апт, Бетаки...). И он — как ученый и как личность — заслуживает, чтобы книга, названная «Валентин Фердинандович Асмус», представляла собой нечто большее, чем перепечатку на скорую руку уже издававшихся воспоминаний и непонятно по какому принципу отобранных статей. Пока же В. Ф. Асмус разделяет участь большинства фигур советского периода философии; впрочем, и сам этот период, за небольшими исключениями, остается все еще крайне малоизученным.

Евгений Абдуллаев

4. Андреева И. С. Философы России второй половины XX века. Портреты. М., 2009. С. 68–69.